

— Мы уехали из России в том числе из-за чудовищной пропаганды, из-за того, что люди в России верят в какие-то страшные вещи. Люди поддерживают убийство украинцев, признаются в любви к Путину на огромную аудиторию, много радикального национализма. И вот мы уехали, приехали в Армению, и стало в какой-то момент казаться, что здесь у людей тоже промыты мозги, причём той же самой пропагандой, нашей. До такой степени, что я здесь встречал армян, которые прямо целыми абзацами цитировали мне Маргариту Симонян, Владимира Соловьёва, всё вот это. Насколько они эффективно работают в Армении, Эдгар?

— Они работали эффективно. Есть действительно пропаганда на определенные пласты населения, в основном это взрослое население, люди, которые привыкли смотреть телевизор, привыкли к тому, что если телевизор что-то говорит, если это главный телевизор, Центральное телевидение, это авторитетно, нужно прислушаться к этому. А мы же знаем, что эти телеканалы основаны на оголтелой пропаганде, на дезинформации. Причём эта пропаганда не просто так преподносится, а действительно там работают люди над этим. Я так предполагаю, что у них огромный штаф, который занимается придумывания всех этих манипуляционных схем. И это действует, потому что, знаете, некоторые пласты населения, у них всё-таки есть восприимчивость к такой пропаганде. По крайней мере была. К примеру, говорится о том, что на Западе люди живут согласно установкам, которые продиктованы международной всемирной элитой, и эти установки внедряются в сознание людей. И они, живя согласно этим установкам становятся несчастными, но пытаются навязать нам, то есть, вот смотрите на Западе люди — роботы, люди не понимают вообще, как они живут, как они думают, в их сознание внедрились какие-то вещи, и они просто не понимают что с ними происходит. Это зомби, они несчастны. И вот всё это пытаются насадить у нас.

— Каким образом?

— Тут приходит другой элемент. Вы же любите свою родину и свою семью? Люди думают: ну да, конечно же. А вам же комфортно в вашей среде, в вашей семье? Во многих семьях, в том числе в российских, существует определённый патриархальный уклад, и многие привыкли так жить, правильно? Им говорится, что, если вы хотите сохранить всё это, вы должны бороться против этого зомбирования. Они хотят уничтожить традиционную семью, традиционные ценности. Они хотят установить контроль над вами, уничтожая всё это, всё, что вам дорого. Не покупайтесь на рекламу, не покупайтесь на материальные ценности, на свободу слова. Зачем она вам? Вы же в семье живёте. Вы же в семье счастливы, вам же нравится, что вы, к примеру, глава семьи, что вас слушаются, что есть у вас авторитет, есть еда, правильно? Так чего же ещё вам надо?

— Всё меняется. Мы приехали два года назад, и мне интересно, приезд такого количества оппозиционно настроенных россиян повлиял как-то на армянские нарративы? Мне кажется, что да, повлиял. Я помню, что в начале двадцать второго года здесь многим нравился Путин, но нюанс в том, что мы им тоже нравились. Но Путин далеко, и тут возникает конфликт, когнитивный диссонанс. Потому что мы вроде бы дружим, но они за Путина, а мы-то против. Прошло 2 года, и сейчас у меня такое ощущение, что в итоге люди выбрали нас.

— Люди когда начали общаться с эмигрантами, а эмигранты в основном интеллектуалы, особенно демократы и либералы в большинстве своём, они симпатичные

люди, и люди видят симпатичных людей, которые говорят: слушайте, мы же из-за Путина оказались здесь, это диктатор, это человек, который стоит во главе режима, который нарушает всякие правила и сегодня ведёт агрессивную войну. И люди начинают думать в отношении того, что окей, а действительно, как же так получается? Если это хорошие люди, я же вижу это, их много, если они из-за этого оказались здесь, значит всё-таки Путин не такой уж хороший. А может, он вообще не тот, кого мы представляли. Всё-таки есть пропутинские люди в Армении, они думали, что Путин — это человек, который сумел укрепить страну, сумел сделать так, чтобы центробежные силы были нейтрализованы, восстановил экономику в какой-то степени, сделал так, чтобы людям стало жить лучше. И поэтому у них были определённые положительные эмоции. Но это отношение меняется. Я уже не говорю о том, что изначально значительная часть населения критиковала Путина всегда, это было у нас всегда. Ну как бы и революция, она же была демократической, и все понимали, что в России не демократический режим. Если мы строим демократию, до некоторой степени это значит, что то, что мы делаем, не понравится Путину. Конечно же, ваш приезд был одним из факторов. Я бы не сказал, что главным, но одним из. Всё-таки главный фактор изменения отношений пропутинских людей — это, конечно же, 44-дневная война, это позиция России в этой войне и особенно последующие после этой войны события, этническая чистка в Нагорном Карабахе. Когда люди увидели, что Россия безучастна ко всему этому, более того, в определённой степени поддерживает азербайджанскую позицию, а российские пропагандисты выдвигают те же нарративы, которые выдвигает официальный Баку. И люди начали менять свою позицию.

— И вот у таких людей сейчас преобладает следующий нарратив: Россия нас предала. Это очень ощущается. Простейший бытовой пример: еду в лифте с армянином, своим соседом, и он начинает говорить: «Мне очень нравится Россия. Отлично, что вы приехали, я тоже в Москве жил, но как же вы могли предать нас!?» Прямо такая жгучая обида, и всё это вместе.

— Хотя демократы, либералы всегда говорили о том, что не надо полагаться на Россию, это авторитарный жёсткий режим, и этот режим направлен против демократии. То есть, если мы хотим у нас строить демократию, то, естественно, Россия будет делать определённые шаги против этого, чтобы нанести урон процессу демократизации. А лучше вообще уничтожить этот процесс. И конечно же, военный конфликт с Азербайджаном — это очень удобное поле действие для Кремля. Можно нагнетать обстановку, сеять страх, устраивать провокации, можно не выполнять свои обязательства и таким образом спровоцировать внутривнутриполитический конфликт, в том числе в Армении сделать так, чтобы люди остались недовольны демократией, остались недовольны властями, общественными организациями, либералами, демократами западниками. Смотрите, из-за вас у нас война, мы потеряли территории из-за вас, мы не можем нормально жить вы разозлили Россию, поэтому получили такое. Не надо было злить Россию.

— А в адрес эмигрантов упреки есть?

— Есть представление, что пришли люди западного склада, у которых либеральные ценности, и они уже своим поведением, своей жизнью своим внешним видом будут разлагать наше общество, разрушать наши нравственные устои. Потому что у нас всё-таки традиционное понимание, у многих, я не говорю, что у большинства, но есть такой нарратив, который присутствует среди определённых слоёв населения в основном консервативных.

— Так это уже происходит. Смотрите: короткие юбки, синие волосы, пирсинг... Это ещё ладно, если всё это тут происходит, в Ереване. А если в Ванадзоре? Это же скандал!

— Да, совершенно верно. И тут, знаете, я вспоминаю исследование Кристиана Вельцеля и Рональда Инглхарта. Они проводят периодически замеры в различных странах с целью понять, изменяются ли ценностные ориентиры, установки в обществе. Они пришли к выводу, что в целом модернизация приводит к тому, что у молодого поколения уже преобладают ценности, направленные на самореализацию. И эти ценности отличаются от ценностей старшего поколения, получается определенный разрыв в обществе, недопонимание между этими слоями. Ну, это неизбежно, они говорят, теперь, но в разных странах по-разному это всё происходит и темпы другие. Я думаю, что довольно большое количество людей, у которых уже эти ценности преобладают, ценности самореализации, а не выживания, они могут ускорить процесс изменения ценностей.

— Я понимаю, о чём вы говорите, что у нас тут ещё как бы некая такая прогрессивная миссия есть. Смотрите, с одной стороны, это так, и это, может быть, даже неплохо. А с другой, есть в этом что-то колонизаторское. Спокойно люди жили, а тут мы. Кто мы такие, чтобы объяснять армянам, как им правильно жить? Вы правы. Тут у очень многих людей консервативные взгляды. Но это же их взгляды, это их жизнь, а тут приехали мы. И тут скорее неправы мы.

— Давайте к этому вопросу таким образом будем относиться. У вас либеральные взгляды в большинстве своём, не только взгляды, а стиль жизни. У многих в Армении такой стиль жизни, такие же взгляды, и практически вы являетесь союзниками таких людей. Мы учим консерваторов жить? Люди, у которых либеральные взгляды, такой стиль жизни? Я не знаю. Пытаемся ли мы насаждать эти идеи, ценности? Ну, вроде как нет, но мы живём своей жизнью, многим это не нравится, но извините, мы являемся гражданами этой страны, мы тут родились, мы тут живём. У вас, вы эмигранты, есть право, если вы не нарушаете законы нашей страны, находиться тут, жить. Вы уже тем, что живёте, влияете на культуру этой страны, таким же образом, как мы. Ну, я имею в виду людей, у которых либеральные взгляды, такой стиль жизни. Мы все влияем на определённые процессы, мы влияем на атмосферу этой страны, хотим ли этого или нет. Есть ли у нас такая цель или нет, вне зависимости от этого. Вы говорите, а кто мы такие, чтобы учить. А кто говорит, что вы должны учить. Вы уже своей жизнью, своим примером, своим естественным поведением влияете. Это факт, с этим ничего никто не может сделать, и зачем? То же самое консерваторы могут сказать и по отношению к гражданам республики Армении, у которых либеральные взгляды: Зачем вы так живёте? Какое у вас право? Мы же веками жили по-другому. Но наука показывает, что ценности меняются.

— Всё-таки в реальности происходит слегка иначе. Мы всё-таки приехали из страны Большого брата, империи. И мы считаем, что мы-то правильно думаем. Очень распространенная ситуация, когда оппозиционный русский говорит армянину: вы смотрите русские каналы, а это же гадость.

— Армяне-демократы то же самое говорят.

— Есть разница. У себя в стране у нас не получилось построить демократию, мы проиграли. И вот мы приезжаем сюда и начинаем учить. Это называется компенсация.

— Знаете, если была бы какая-то организованная группа мигрантов, которая

выходит на улицу, подписывает какие-то петиции, что вы должны отключить эти телеканалы, потому что это гадость, это смотрелось бы не очень. Но когда отдельные лица высказывают свою точку зрения на этот счёт, как человек, индивид, гражданин России, эмигрант — вы же имеете право высказывать точку зрения относительно этих вопросов. Особенно если это важные вопросы, как же не высказывать эту точку зрения? А что, держать при себе? Я считаю, совершенно нормально, когда люди говорят об этом. Более того тем самым демократы, либералы Армении получают союзников. Они получают также поддержку. Другой вопрос, вы затронули тему неокOLONиализма. У многих есть некоторые страхи, насчёт эмигрантов. Они же, как вы сказали из страны Большого брата приехали, у них определенные установки всё-таки есть. И они рассматривают Армению в качестве другой России.

— Да-да, это очень опасная вещь. И это мне кажется абсолютная правда, потому что действительно уже примерно 15-20 лет циркулирует такая идея: не получается в России — значит, надо где-то в другом месте сделать то же самое, только хорошо. И собственно, первой попыткой построить другую Россию была Украина. Было такое восприятие, что то, что не получилось у нас, получается у них. Что касается пропаганды. Мы под этой пропагандой прожили 20 лет, если не больше. И у нас же тоже промыты мозги. 20 лет пропаганды — они же воздействовали в том числе на таких, как мы, у нас же нету какого-то иммунитета. То есть, у нас есть определённые принципы. У нас есть альтернативная информация, но мы всё равно столько времени жили под этим излучением.

Ну тут действительно есть определённый нюанс, связанные с тем, что даже у либеральных людей в определённой степени промыты мозги. И эти нюансы проявляются в таких вещах, как — мы приехали в другую Россию. Люди не то чтобы авторитарны или верят в то, что Россия должна освободить весь мир. Они в значительной степени думают, что есть страны, которые близки к России. Эти страны, наверное, не в состоянии развиваться в отрыве от России, мы несем определённый такой культурный код, миссию, у нас есть такая миссия. И мы всё-таки сможем сейчас построить эту другую Россию, демократическую Россию. Конечно же, мы будем уважать культуру Армении, мы будем уважать армянский этнос, традиции, но это что-то, не отдельно от нас существующее. Знаете, в какой-то степени это, наверное, идеология либерального русского мира, можно так сказать. Есть авторитарный русский мир, а есть либеральный. Эмигранты, такое ощущение, что думают, что они какой-то степени содействует тому, чтобы этот либеральный русский мир состоялся на территориях, которые входили в ареал русского мира. Это способствует тому, что всё-таки они не думают о том, что нужно учить армянский язык, принимают за должное то, что с ними разговаривают на русском. Ну, действительно у нас в большинстве своём люди как минимум понимают русский. Это тоже, кстати, способствует тому, что зачем учить армянский язык, если все знают русский язык. То есть, люди думают, что они могут тут утвердиться в качестве русских без интеграции в армянскую среду, в армянское общество. Не надо интегрироваться, потому что они свои. У нас уже есть определённое преимущество, потому что мы из страны Большого брата.

— Это очень болезненные вещи, у нас же тоже имперская прошивка. То, что вы описали только что, это та же самая Империя, но просто она как бы хорошая. У нас есть определённые стереотипы, которые мы привезли сюда. Они вроде бы тоже хорошие, но они сталкиваются с этой реальностью, и непонятно, как этим стереотипам, этим принципам нашим уживаться с армянской реальностью, украинской реальностью. Скажем, мы все

поголовно пацифисты, это важно понимать, потому что оппозиционные россияне не столько поддерживают Украину в этой истории, сколько против любой войны в принципе. Это то, что принято называть абстрактным гуманизмом. Принцип простой: нельзя убивать людей. Но вот мы приехали сюда, и, если мы скажем армянам, что надо опустить оружие, нас не поймёт никто. Если мы в этой ситуации скажем тем же украинцам про то, что стрелять — это неправильно, их же просто убьют. И эти наши хорошие, можно сказать, даже христианские принципы сейчас подвергаются очень серьёзному испытанию.

— Лев Толстой писал об этом. У него есть статья, посвящённая именно вот этому вопросу, вопросу пацифизма. Он говорил ещё тогда, что даже освободительная война всё равно приводит к конфликту, приводит к тому, что люди убивают друг друга, и таким образом все страдают. Зачем? Конечно, концепция очень спорная. В некоторой степени она всё-таки нужна, потому что люди могут думать, что, если есть агрессивные враги, значит вы должны спать с оружием всё время, значит никаких компромиссов не может быть, либо они уничтожат нас, либо мы. Всё время с оружием в руках, мы забываем о жизни. Это приводит к тому, что мы живём для того, чтобы воевать, потому что иначе нас не будет.

— Ну, это же правда. Мне кажется, что здесь есть историческая подоплёка очень важная. Дело в том, что после завершения Второй мировой войны больше на Россию, насколько я помню, на протяжении долгих лет никто не нападал, а нападали главным образом мы. И нам было очень стыдно за то, что наша страна воюет. У нас не было такой ситуации, когда надо свою страну защищать с оружием в руках, а, скажем, в Армении она есть и постоянно повторяется. Это очень важная разница, у нас просто нету вашего опыта.

— Согласен с вами, но опять-таки этот вопрос имеет две стороны. Об одной стороне я уже сказал, я считаю что все-таки пацифистские настроения в некоторой степени способствуют тому, чтобы у населения, которое ведёт защитническую войну, то есть, защищается всё время с оружием в руках, не возникло ощущение, что это норма, иначе не может быть. Это аномалия, конечно. Но с другой стороны, если целиком принять концепцию пацифизма, то действительно тогда могут быть серьёзные последствия в виде потерь людских, потерь территорий, суверенитета. Да и вообще в принципе Армения исчезнет. Ну вот предположим, что есть ряд авторитарных стран, эти страны приходят к выводу, что должны захватить весь мир. Демократические страны говорят: мы пацифисты, мы против войны, мы не хотим убивать никого, мы не будем защищаться. Что будет в итоге, не знаю. Может быть, действительно они захватят весь мир, и очень возможно, будет огромное количество жертв. Тут другой возникает вопрос: а если они будут отвечать, что, жертв не будет? Конечно, жертвы будут. Во-первых, мы не можем сказать, может быть, жертв будет меньше или больше, это вопрос очень спорный. Но если к примеру действительно авторитарные и агрессивные страны решатся на такое, это будет означать, что во всём мире не будет свободы, будет рабство. И нам решать, как с этим быть.

— Мы приехали из страны-агрессора в страну-жертву. И это абсолютная ломка сознания. Ее не было у тех, кто поехал в Америку, скажем, потому что США — это все-таки Империя. Это специфика именно армянской эмиграции. Мы вдруг абсолютно неожиданно оказались в такой же слабой позиции, в которой вы всё это время живёте. Я думаю, что у многих российских пацифистов сейчас в некоторой степени происходит пересмотр понятия пацифизма так или иначе. Есть ещё один стереотип, который мы привезли в эту страну: наше отношение к национализму, в наших устах это ругательство. Да, но это моноэтническое государство. Мы приехали из огромной страны, из многонациональной

страны, а здесь всё иначе.

— Ну а в чём тут проблема?

— Проблема этическая. Мы считаем, что выпячивание национального — это не очень хорошо, но здесь ценности принципиально иные.

— А у нас тоже разные ценности. У нас в обществе сегодня идет процесс по осознанию своей идентичности, про то, кто мы на самом деле, что мы за нация. Почему, скажем, мы моноэтничны. А мы нация или этнос? У нас есть понятие «хай», армянин, и «хайстанци», житель Армении. В этом отношении армянин — человек, который чувствует армянскую идентичность, именно в том смысле, что живет в Республике Армения, а не этническую идентичность. То есть, эта идентичность этническая есть, конечно, но есть и такая. Теперь. А какая идентичность преобладает? А если люди живут за границей, тоже разговаривают на армянском языке, у них этнически те же самые корни, но они никак не чувствуют эту страну, не являются гражданами этой страны, их цели и идеи никаким образом не совпадают с нашими идеями и ценностями жителей Армении, что с этим делать? У Маргариты Симоньян совершенно другое представление о мире, у Маргариты Симоньян такие представления, которые вредят республике Армении, вредят всем нам. Что нам делать? Говорить, что у нас общие идеи, общие ценности, общие корни, мы братья и сестры? Нет, конечно.

— И вы и мы сейчас в переломной точке, решаются корневые вопросы. Кто мы? куда мы идём? И что может быть дальше с нами по отдельности, вместе, непонятно вообще ничего сейчас. Как вам кажется, давайте пофантазируем, что может произойти в какое-то обозримое время? Запретят в Армении российские каналы или русский язык? Как в принципе эта ситуация может развиваться дальше. Потому что нам это важно. Прошло два года, и те, кто остался здесь, они уже не проездом, они уже тут живут. Что может быть дальше?

— Процесс отдаления от России углубится, это однозначно. Если не будет каких-то форс-мажорных событий, к примеру, военный переворот в Армении или полная оккупация со стороны России или Азербайджана, если этого не произойдёт, процесс по отдалению от России будет продолжаться. Приведёт ли это к тому, что закроют российские телеканалы? Думаю, что это вполне возможно.

— Тут же проблема ещё в чём? Эти каналы не только транслируют имперские нарративы, там в последнее время откровенная антиармянская пропаганда.

— У меня в Фейсбуке пришло уведомление. Ровно 10 лет тому назад я говорил о том, что российские телеканалы — это угроза национальной безопасности Армении. Нужно с этим что-то делать, потому что они сеют ненависть, пропагандируют войну, а в последнее время уже Армения является мишенью. С другой стороны, сегодня воздействие российских телеканалов невелико на армянское общество. Это в основном старшее поколение, пенсионеры. Молодежь не смотрит никаких российских телеканалов, никаких новостных передач, никаких ток-шоу Соловьева и так далее.

— То есть, увеличиваются шансы, что здесь станет больше людей, которые разделяют наши ценности, и мы с этими людьми чем дальше, тем чаще сможем отыскать общий язык?

— Совершенно верно. И что касается русского языка. Ну, не знаю, наверное, будет

определённые ограничения, связанные с тем, что не будут дублировать, скажем, вывески на русском языке, к примеру. С какой стати, зачем? Или вот русские школы какие-то. Но будут классы для меньшинств, это будет развито, то есть русскоязычные люди не пострадают от этого и отношение к русскому языку не будет таким негативным. Кстати, ваш приезд будет способствовать к этому, потому что у нас русский язык будет уже ассоциироваться с тем, что хорошие люди, демократы, либералы, у них демократические ценности, они влились в наше общество, у них нет имперских амбиций. Зачем у нас должно быть плохое отношение к русскому языку или к русской культуре? Не думаю, что такое будет, я в этом отношении оптимистичен.

— Это очень важная мысль. Мне про это говорили украинцы, но у них это не получилось по вполне естественной причине, потому что война идёт очень жестокая. А в принципе эта идея про то, что русский язык не принадлежит Путину — это отличная идея. И то, что постепенно Россия, что-то российское, русское будет ассоциироваться скорее с нами, это вы сейчас обнадёжил очень многих людей.

— Надеюсь, я не ошибаюсь.